

Структура иного мира в повести Чарльза Кингсли «Водяные малыши»

Ольга Б. Вайнштейн

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, katernur@gmail.com*

Аннотация. Сказочная повесть английского романиста Чарльза Кингсли «Дети воды» (1863) содержит картину иного мира как подводного царства, куда попадает мальчик-трубочист, утонув в реке. В статье рассматривается структура подводного мира, организованная по принципам морального воспитания викторианской эпохи, комментируются аллюзии (например, отклик Ч. Кингсли на учение Дарвина). Пребывание Тома в подводном мире трактуется как период и нравственного просвещения, и изучения природы. Топография иного мира в повести Кингсли выстраивается через центральный хронотоп – магический остров св. Брендана. В качестве рубежа между посюсторонним и потусторонним миром выступают зеркало и поверхность воды, а также взгляд в глаза феи.

«Водяные малыши» невозможно толковать вне контекста истории английской литературы. В статье также проводится сопоставительный анализ типологического сюжета о мальчике-трубочисте в английской литературной традиции – в творчестве У. Блейка (стихотворения о трубочисте из «Песен Невинности» и «Песен Опыта»), где также дана история пребывания детей-трубочистов в ином мире и последующего воскрешения, и в сказке «Три спящих мальчика из Уорикшира» У. де ла Мара.

В заключении статьи приводятся данные о фольклорных источниках и характеристиках образа трубочиста.

Ключевые слова: Кингсли, «Водяные малыши», иной мир, вода, трубочист
Для цитирования: Вайнштейн О.Б. Структура иного мира в повести Чарльза Кингсли «Водяные малыши» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 3. С. 45–62. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-45-62

The structure of the other world in Charles Kingsley's "The Water Babies"

Olga B. Vainshtein

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; katernur@gmail.com*

Abstract. The fairy tale "The Water-Babies" by the British novelist Charles Kingsley depicts the other world as water kingdom. The boy chimney sweeper Tom gets there having drowned in the river. The paper analyses how the other world is organized to provide the Victorian up-bringing and support the ideas of Darwinian evolution. Tom's life in water is interpreted as the period of moral transformation and the study of nature. The topography of the other world is structured around the magic Isle of St. Brendan. The boundary between this world and the other world is crossed through mirrors, water surfaces and by looking in the eyes of fairies.

"The Water-Babies" are interpreted as part of a specific literary tradition. The article compares different versions of the archetypal plot about a chimney sweeper in English literature. The analysis is focused around the poems about the chimney sweeper by William Blake in "Songs of Innocence" and "Songs of Experience", narrating the tale of children getting into the other world and the following Redemption. "The Three Sleeping Boys of Warwickshire" by Walter de la Mare is the final text in this tradition.

In conclusion we examine beliefs about chimney sweeper in folklore sources and in particular the connection between chimney sweeper and good luck.

Keywords: Kingsley, "The Water Babies", other world, water, chimney sweep

For citation: Vainshtein, O.B. (2022), "The structure of the other world in Charles Kingsley's 'The Water Babies'", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 3, pp. 45–62, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-45-62

В 1863 г. викторианский автор Чарльз Кингсли, уже известный широкой публике как романист и проповедник, неожиданно пишет небольшую детскую сказку «Водяные малыши»¹, причем событие это происходит достаточно спонтанно. Весенним утром за завтраком жена шутя напомнила ему об обещании написать сказку для младшего ребенка. Любящий отец немедленно встает

¹ *Kingsley Ch. The Water Babies. L.: Piccolo Gift book, 1978. 144 p. Все цитаты в тексте далее даются в авторском переводе по этому изданию.*

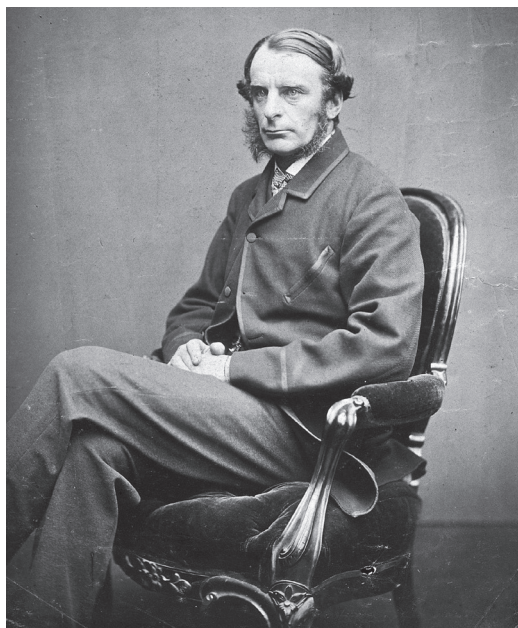

Рис. 1. Чарльз Кингсли. Фото Ч. Уоткинса

из-за стола, идет в кабинет и через полчаса выходит оттуда с первой главой истории о маленьком Томе. Продолжение не заставило себя ждать, книжка создавалась легко и свободно, единым духом. Детям сразу понравились удивительные приключения бедолагитрубочиста, а когда сказка была напечатана, она стала пользоваться большим успехом у читателей. Сейчас «Водяные малыши» входят в золотой фонд английской детской литературы и продолжают вызывать интерес современных исследователей [Conlin, Klaver 2020; Judd 2017].

Жанр сказки позволил Кингсли соединить фантастический сюжет с намеками на актуальные философские споры и высказаться по злободневным вопросам. Например, как раз в начале шестидесятых годов Кингсли много занимается вопросами санитарии и здравоохранения и, в частности, пишет ряд статей о чистоте воды. Он заявлял, что для него избавить человека от грязи и болезней гораздо важнее любой политической реформы. Отсюда и важность мотива чистой воды в сказке. Но доминирует в сказке все же атмосфера чудесного, волшебных приключений, хотя тон рассказчика таков, как будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся.

В начале повествования Том, мальчик-подмастерье у злого и грубого трубочиста мистера Граймса, отправляется вместе с хозяином работать в загородную усадьбу. По пути им встречается ирландка, непостижимым образом знающая все о мальчике и Граймсе. Видя перепачканное сажей лицо Тома, она говорит странную фразу: “Those that wish to be clean, clean they will be” (Те, кто хочет быть чистым, будут чистыми)². Увидев ручей, Том хочет искупаться, но злой хозяин не пускает его к воде и начинает избивать, ирландка заступает за мальчика. Желание маленького трубочиста искупаться понятно в историческом контексте сказки – обычно дети-трубочисты мылись три раза в год, по большим праздникам.

Когда Том принимается за чистку труб в доме, он случайно попадает в комнату девочки Элли и там впервые видит в зеркале свою перепачканную в саже одежду и лицо. Это открытие так пугает его, что он пускается бежать и, найдя ручей, начинает купаться. И тут-то, согласно предсказанию ирландки, он превращается в водяного мальчика, жителя реки, и попадает в иной мир под водой. Подводный мир сначала кажется ему странным и опасным, но постепенно Том находит себе там друзей среди рыб, животных и других водяных детей. Такова вкратце фабула сказки. Присмотримся теперь внимательнее к структуре иного мира в сказке Кингсли и прежде всего обратим внимание на то, как совершается переход в иной мир.

После уже отмеченного нами взгляда в зеркало Том убегает и попадает в дом к старой учительнице, матери, как потом выяснилось, его хозяина Граймса. Она укладывает мальчика спать, но Том не уснул. Ему жарко, и он хочет пойти охладиться в реке: «Он задремал, и ему приснилось, что девочка кричит ему: “Иди умойся, грязнуля!”», а затем он услышал звон колоколов»³. Отметим тонкую градацию от реальности к иному миру: бодрствование героя, затем полусон, что отражается в смене глаголов восприятия – осторожное выражение “he dreamt that he heard” сменяется уверенным “he heard”⁴. Далее, услышав колокола, Том хочет пойти в церковь, но боится, что его не пустят в храм грязным. Таким образом, к мотиву воды как средства охлаждения добавляется функция очищения как в прямом, так и в переносном смысле. «Он очутился внезапно на лугу перед ручьем. Он пошел, в полусне, как больные дети встают с кроваток и бродят по

² *Kingsley Ch. Op. cit. P. 19.*

³ *Ibid. P. 39.*

⁴ *Ibid.*

комнате. Он вглядывался в чистую воду и сказал: я буду рыбой... Я буду плавать... Я должен очиститься»⁵.

Таким образом, переход в иной мир оформляется через градацию промежуточных состояний. Сон превращается в полусон, это излюбленный мотив в творчестве авторов XIX в. начиная с эпохи романтизма. Полусон – это промежуточное состояние между реальным и воображаемым миром, состояние дремы, мечты или лунатизма – сон во сне, *a dream within a dream*, по словам Эдгара Алана По.

В конечном счете линия «полусон – сон – болезнь» получает последнее звено – смерть. «Ему было так жарко и он так хотел пить, что он быстро бросился в воду, холодную и чистую, через две минуты он уже заснул самым спокойным, солнечным и уютным сном... Ему снились зеленые луга... А после этого ему уже ничего не снилось»⁶. Вода, которая раньше выступала как отражающая поверхность, своего рода зеркало, сейчас выступает главным образом как средство охлаждения, очищения и как источник для утоления жажды [Rapple 1993–1995]. Однако главная ее функция – переход в иной мир. Необычный эпитет к слову «сон» – *sunniest* (самый солнечный), что, вероятно, надо трактовать как «светлый, дарующий просветление». Отождествление смерти с таким просветленным сном оставляет впечатление мифологической метаморфозы, трансформации-просветления.

Однако после земной смерти следует воскрешение в ином мире: «Том, проснувшись (а он, конечно, проснулся), обнаружил, что он плавает в реке. На самом деле феи превратили его в водяного малыша»⁷. Таким образом совершается переход в иной мир. Основная субстанция этого мира – вода с ее главными функциями: очищения и охлаждения. Эти функции выступают в контрасте с основными характеристиками профессии трубочиста – сажей и опасной близостью огня, в совокупности отсылающими к метафорике адского огня.

Но и в утопическом водяном мире есть свои границы и правила, образующие его структуру. Так, полный переход границы

⁵ *Kingsley Ch.* Op. cit. Интересно, что эти слова почти буквально повторяются в повести Чингиза Айтматова «Белый пароход»: «Я сделаюсь рыбой. Ты слышишь, ата, я уплыву... Мальчик побрел дальше, спустился к реке. И ступил прямо в воду...» (Айтматов Ч. Ранние журавли. М.: Молодая гвардия, 1978. URL: <https://knigaread.com/proza/klassicheskaja-proza/page-26-276499-chingiz-aitmatov-belyi-parohod.html> (дата обращения 11 июля 2022)).

⁶ Ibid. P. 41.

⁷ Ibid. P. 45.

в иной мир совершается благодаря этическому поступку, который требуется от Тома. Это своего рода билет, входная плата за то, чтобы стать полноценным обитателем иного мира. Том совершает этот нравственный акт, когда с риском для себя спасает из западни омара. Только после этого ему становятся видимыми и малыши, и феи, после чего для него начинается курс «подводной педагогики». Таким образом, пребывание Тома в подводном мире трактуется как период и нравственного просвещения, и изучения природы.

Вскоре выясняется, что в подводном мире есть и своя школа: водяных малышей под водой обучают две феи. Они учат детей добру и правде, рассказывают им воспитательные притчи. К примеру, одно из правил, которое он усваивает в подводном мире, – “Do what you don’t like” (Делай то, что не хочется). Первую фею зовут Mrs. Bedonebyasyoudid (миссис «С тобой поступят так же, как ты обошелся с другими»). Вторая фея Mrs. Doasyouwouldbedoneby воплощает противоположный принцип: «Поступай так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали другие». Первый принцип – суровая мораль борьбы за существование, идеи справедливого воздаяния за ошибки. Второй принцип восходит к категорическому императиву Канта, однако в 60-е гг. XIX в. он скорее воспринимался как максима христианской морали.

Mrs. Doasyouwouldbedoneby – фея христианской морали, кротости и добросердечия. Она изображается как очаровательная девушка, рассказывающая детям веселые сказки и убаюкивающая их нежной колыбельной песенкой. Вторая волшебница, Mrs. Bedonebyasyoudid, напротив, безобразная старуха, строго проверяющая, как вели себя дети. Она воплощает механистичность морали воздаяния за проступки, превращая человека в объект (в соответствии с пассивной конструкцией в своем имени), подчиняющийся законам необходимости. Недаром она говорит о себе как о машине, раз и навсегда заведенном часовом механизме. Однако во второй части, когда Том отправляется в путешествие, старая фея преобразается и автор отмечает, что она стала «вполне красивой» (“quite beautiful”).

Воспитательные приемы Mrs. Bedonebyasyoudid строятся на простейших и наглядных примерах. Маленький Том, шая, сует камешек в раскрытые венчики хищных цветов анемонов. Однако вскоре при раздаче сладостей он получает вместо леденца камешек. Пытаясь оправдаться, он говорит старой фее: «Я не знал, что это плохо», и слышит логичный ответ: «Теперь ты знаешь»⁸.

⁸ *Kingsley Ch. Op. cit. P. 95.*

Рис. 2. Джесси Уилкоккс Смит. Миссис «С тобой поступают так же, как ты обошелся с другими». Иллюстрация 1916 г.

Именно феи способствуют окончательной трансформации Тома, что опять происходит через метафору очищения: «Феи выкупали его в проточной воде, так что, видите ли, с него отчистили всю грязь, и на свет появился настоящий хорошенький малыш Том»⁹. Здесь очень важен эпитет «настоящий» (“real”). Это подлинный Том, который был скрыт на земле от окружающих людей, а в ином мире его сущность, его настоящая душа проступила наружу.

Сказка Кингсли аккумулировала элементы самых разных мифологических систем. Недаром в словаре «Воображаемых мест»¹⁰ фантастическим землям из «Водяных малышей» посвящено довольно много статей. Кингсли и впрямь удалось создать свой универсум, наподобие «Средиземья» Толкиена или «Земноморья» Урсулы Ле Гуин. Романские сказания в его сказке спокойно соседствуют с ирландским эпосом. Например, убежище водяных

⁹ Kingsley Ch. Op. cit. P. 45.

¹⁰ Manguel A., Guadalupe G. Dictionary of imaginary places. L.; N.Y.: Harvest, 2000. 755 p.

детей – остров святого Брендана. В саге «Плавание Майль-Дуна» этот остров описывается следующим образом: «Там был старый клирик, весь опутанный собственными волосами. “Откуда ты?” – спросил его Майль-Дун. “Я последний из пятнадцати спутников Брендана из Бирра. Мы отправились в паломничество по океану и прибыли на этот остров. Все мои спутники умерли, и я остался один”. И он показал им таблички Брендана, которые они взяли с собой в паломничество»¹¹.

Кингсли был знаком с легендой святого Брендана по трудам английского филолога и историка Томаса Райта, издавшего в 1844 г. стихотворную обработку истории ирландского настоятеля, причем из того же источника он еще раньше заимствовал сюжет *Hereward the Wake*.

Исходная легенда, однако, под пером Кингсли претерпевает ряд трансформаций. Его вариант истории святого Брендана таков: «Когда святой Брендан и отшельники добрались до волшебного острова, там были только кедры... Он сел под кедрами и стал читать проповеди птицам, и им так понравились проповеди, что они рассказали рыбам, а те – водяным малышам, и они приплыли к нему сотнями каждое воскресенье... Наконец, он и пять отшельников заснули в тени кедров, и там они спят и сейчас»¹². Как видим, здесь легендарный отшельник выступает в роли основателя утопической колонии на острове, воскресной школы для птиц, рыб и водяных детей. Этот вариант иного мира примечателен как вариант авторской переработки уже существующей легенды. В ином мире у Кингсли есть даже остров Лапута, правда, феи переименовали его в «остров Томтодди – людей с головами, но без тел» (*“The Isle of Tomtoddies, all head and no bodies”*)¹³.

Пребывание в ином мире Тома заканчивается, когда он выполняет последнюю этическую задачу – выручает своего бывшего злого хозяина мистера Граймса, который в ином мире в качестве наказания занят тем, что, как опытный и бывалый трубочист, очищает от сажи кратер Этны. Особо уточняется структура пространства в этом последнем трудном задании: «За мистером Граймсом тебе придется идти дальше, чем на край света – на другой конец Нигде» (*“You must go farther than the worlds’ end, if you want to find Mr. Grimes, for he is in the other end of nowhere”*)¹⁴. Это еще одна из областей иного мира в сказке Кингсли.

¹¹ Исландские саги; Ирландский эпос. М.: Художественная литература, 1973. С. 111. (Б-ка всемирной литературы, т. 8)

¹² *Kingsley Ch.* Op. cit. P. 92.

¹³ *Ibid.* P. 125.

¹⁴ *Ibid.* P. 117.

Как же протекают эти странствия души в сказке Кингсли? Вернемся вновь к проблеме перехода и обратим внимание, как оформляются стыки. Из других мифологических деталей, фигурирующих в этом ряду, можно упомянуть запрет оглянуться: когда Том уходит из подводной страны, ему запрещают оглядываться, а при спускании с неба даже завязывают глаза. Это повторяющаяся черта в описании контакта с иным миром. Здесь же мы встречаем и библейские образы – лестницу Иакова, которая используется Томом для того, чтобы спуститься на землю после небесных странствий.

Финальный переход Тома из иного мира обратно на землю оформляется симметрично первому пересечению границы – через смотрение на себя в зеркале. Однако на этот раз Том вглядывается не в зеркало и не в воду, а в глаза феи. Эта фея по имени «матушка Кэри» появляется ближе к концу повествования, выступает как королева вод и объединяет в своем лице двух фей-воспитательниц и ирландскую женщину. Очевидно, здесь мы имеем дело с очень древним персонажем, который фигурирует в ряде преданий и мифов под именем «мать воды» [Durand 1960, pp. 392–397].

Рис. 3. Линли Сэмбурн. Матушка Кэри. Иллюстрация 1889 г.

Мать воды у Кингсли покровительствует герою, задает ему трудные задачи, дарит волшебных помощников. Поглядев в глаза матушке Кэри, Том вспоминает дорогу домой и возвращается на землю.

Однако в англоязычном фольклоре она воплощает собой грозную повелительницу морей и океанов и связана с буревестниками – их называют «цыплята матушки Кэри» (Mother Carey's Chicken). Буревестники считаются плохим знаком, предвещающим возможную гибель моряков.

Волшебные метаморфозы Тома под водой подчинены интересам достаточно злободневной для викторианцев полемики, которую Кингсли в то время вел по поводу учения Дарвина. Среди участников этой полемики были знаменитые ученые – Ричард Оуэн и Томас Генри Хаксли.

Кингсли принимал учение Дарвина, исходя из того, что за физической природой скрывается элемент чудесного и божественного. Для него одухотворенность природного существа определяет его развитие. Эта мысль получает образное воплощение в любопытном эпизоде: когда Том совершает плохой поступок, его тело покрывается колючками и остальные водяные малыши гонят его от себя.

Таким образом, в ином мире, согласно Кингсли, этичность выступает как условие эволюции, демонстрируя необходимость нравственного закона внутри нас (седьмое доказательство И. Канта).

В этой связи особенно большая идеологическая нагрузка ложится на сцены плохого обращения с детьми. Ведь все малыши, попавшие в подводное царство, согласно Кингсли, погибли на земле в результате болезней, грубости и плохого обращения. На примере мальчиков-трубочистов, которых родители фактически продавали в рабство с четырех лет и которые часто погибали в дымовых трубах, Кингсли ставит острейшую социальную проблему: мученичество в современном обществе самых невинных – маленьких детей. Образ мальчика-трубочиста становится символом этого оксюморона: чистый ребенок делает самую грязную и опасную работу.

В английской литературе образ маленького трубочиста не раз возникает в творчестве разных авторов XIX–XX вв., составляя устойчивый архетип. Налицо повторяющаяся система мотивов, сопутствующая этому образу: мучения ребенка – сон – смерть – воскрешение. Начало этой традиции мы находим в двух стихотворениях Уильяма Блейка, посвященных трубочистам, первое из них было опубликовано в цикле «Песни невинности» (1789), а второе – в «Песнях опыта» (1794):

Рис. 4. Линли Сэмбурн. Ричард Оуэн и Томас Генри Хаксли обследуют водяного малыша. Иллюстрация 1889 г.

Рис. 5. Линли Сэмбурн. Колючий Том. Иллюстрация 1889 г.

*William Blake. The Chimney
Sweeper*
("Songs of Innocence")

When my mother died I was very
young,
And my father sold me while yet my
tongue
Could scarcely cry «'weep! 'weep!
'weep! 'weep!»
So your chimneys I sweep & in soot
I sleep.

There's little Tom Dacre, who cried
when his head
That curled like a lamb's back, was
shaved, so I said,
«Hush, Tom! never mind it, for when
your head's bare,
You know that the soot cannot spoil
your white hair.»

And so he was quiet, & that very night,
As Tom was a-sleeping he had such
a sight!
That thousands of sweepers, Dick,
Joe, Ned, & Jack,
Were all of them locked up in coffins
of black;

And by came an Angel who had a
bright key,
And he opened the coffins & set them
all free;
Then down a green plain, leaping,
laughing they run,

And wash in a river and shine in the
Sun.

Then naked & white, all their bags
left behind,
They rise upon clouds, and sport
in the wind.
And the Angel told Tom, if he'd be
a good boy,
He'd have God for his father & never
want joy.

*Уильям Блейк. Маленький
трубочист*
 («Песни невинности»)

Был я крошкой, когда умерла моя
мать.
И отец меня продал, едва лепетать
стал мой детский язык.
Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже
я сплю.

Стригли давеча кудри у нас
новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: Полно! Не трать
своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых
волос!

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел
такой:
Будто мы, трубочисты – Дик,
Чарли и Джим –
В черных гробиках тесных,
свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел, –
рассказывал Том, –
Наши гробики отпер блестящим
ключом,
И стремглав по лугам мы
помчались к реке,

Смыли сажу и грелись в горячем
песке.

Нагишом, налегке, без тяжелых
мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряды
облаков.
И смеющийся ангел сказал ему:
«Том,
Будь хорошим – и Бог тебе будет
отцом!»

And so Tom awoke; and we rose
in the dark
And got with our bags & our brushes
to work.

Though the morning was cold, Tom
was happy & warm;
So if all do their duty, they need not
fear harm.

В это утро мы шли на работу
впотьмах,
Каждый с черным мешком
и метлою в руках.

Утро было холодным, но Том не
продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится
тревог.

Перевод С.Я. Маршака

William Blake. The Chimney Sweeper
(“Songs of Experience”)

A little black thing among the snow,
Crying “weep! weep!” in notes of
woe!

“Where are thy father and mother?
say?”
“They are both gone up to the church
to pray.

Because I was happy upon the heath,
And smil’d among the winter’s snow,
They clothed me in the clothes
of death,
And taught me to sing the notes
of woe.

And because I am happy and dance
and sing,
They think they have done me no
injury,
And are gone to praise God and his
Priest and King,
Who make up a heaven of our
misery.”

Уильям Блейк. Трубочист
(«Песни опыта»)

Чумазый малыш на белом снегу:
«Скребууу дымохооды!» –
кричит сквозь пургу.

«А мать и отец где?»

«В церкви они Всевышнему
молятся целые дни!

Пока подрастал я день ото дня,
Шутил и резвился в жару и мороз,
Они в саван смерти одели меня,
Напев мой наполнив горечью слез.

За то, что плясать и петь я люблю,
Возносят хвалы свои мать с отцом
Епископу, Господу и королю,
Что рай возвели на несчастье
моем».

Перевод Д.Н. Смирнова-Садовского

Сходство этих произведений Блейка и Кингсли неоспори-
мо: имя маленького трубочиста – Том, смерть матери, тяжелая
работа. Трубочист у Блейка – это начальный вариант традиции:
невинная жертва, со следами копоти на лице; ребенок выступает

как мученик с ореолом «не от мира сего», как искупитель чужих грехов. Дитя сравнивается с жертвенным Агнцем, ему состригают его белые курчавые волосы. Он и его собраты погибают и находятся в черных гробах. Далее появляется ангел с ярким ключом, и дети попадают на небо, где купаются в реке и летают в облаках. В этой притче о воскресении младенцев вознесение на небо включает омовение в реке, что здесь служит прозрачным символом очищения и христианского крещения. Пока что мысль обоих авторов развивается в одном ключе. Но потом их пути резко расходятся. После пребывания в подводном царстве у Кингсли Том возвращается на землю и становится инженером, занимаясь строительством железных дорог, паровыми двигателями и даже электрическим телеграфом¹⁵. У Блейка Том снова возвращается на постыльную работу, сопровождаемый назидательной сентенцией: «Если все будут следовать своему долгу, можно не бояться Трубного Гласа». Блейк не находит для своего героя, спустившегося с небес, другого предназначения, кроме продолжения тяжелой работы. Во втором стихотворении о трубочистах эта же тематика получает дальнейшее развитие – родители уходят в церковь и оставляют маленького трубочиста погибать в снегу (продолжение контраста черного и белого), за что ему полагается спасение на том свете.

В сознании английского читателя образ трубочиста в литературе также связывался со знаменитым эссе Чарльза Лэма «Похвала трубочистам», «самым элианским», по отзывам критики, из сборника «Очерки Элии» (1823)¹⁶. Кингсли продолжает диалог с романтическим миропониманием в диалоге с Чарльзом Лэмом. Налицо совпадение эпизодов, когда мальчик-трубочист попадает в роскошный дом из дымовой трубы и засыпает на белоснежных простынях. Но у Кингсли после этого блаженного сна следует резкое пробуждение, узнавание своего «я» при взгляде в зеркало, с чего, собственно, и начинаются его приключения и побег в иной мир. Осознав свою черноту, которая здесь также выступает и как социальный признак, Том бросается прочь из дома, к ручью, чтобы помыться.

У Лэма мотив жертвенного наказания трубочиста завершается гротескным образом трубочиста, оставленного торчать в дымовой трубе. Он указывает направление ветра, вращаясь, как флюгер. Как раз в этой точке Кингсли смело травестирует мотив: закупоренным в дымовую трубу в ином мире у него оказывается не Том, а жестокосердный мистер Граймс, попавший сюда по велению фей. Вместо проповеди терпения в духе Блейка

¹⁵ *Kingsley Ch. Op. cit.* P. 138.

¹⁶ *Лэм Ч. Очерки Элии.* Л.: Наука, 1979. С. 113–119.

*Рис. 6. Линли Сэмбурн. Том спасает мистера Граймса.
Иллюстрация 1889 г.*

и Лэма у Кингсли отбывает наказание действительный виновник детских мучений. Однако в сказке Кингсли Том спасает мистера Граймса, демонстрируя, что он усвоил уроки милосердия Mrs. Doasyouwouldbedoneby.

В том же сборнике Лэма есть одно поэтическое эссе «Дитя-ангел», отчасти перекликающееся с темой иного мира в детальном описании хронотопа. Рассказчик видит сон, действие которого происходит в особенной области неба: “some celestial regions, not the real heaven, not the downright Bible Heaven but a kind of fairly land heaven”¹⁷.

После Лэма далее тему трубочистов, также в ключе защиты детей, подхватывает Чарльз Диккенс в «Оливере Твисте» (1837–1839): в третьей главе Оливера чуть было не отдадут в подмастерья трубочисту, но он чудом избегает этой судьбы.

¹⁷ *Lamb Ch. The Works of Charles Lamb. N.Y.: Charles Scribner and sons, [n.d.]. P. 335.*

Последний из известных мне вариантов сказки о трубочисте – «Три спящих мальчика из Уорикшира» Уолтера де ла Мара (The Three Sleeping Boys of Warwickshire, 1925). Злой хозяин трех маленьких трубочистов Тома, Дика и Харри видит, как по ночам сонные души его подмастерьев вместе со всеми детьми выходят на улицу и веселятся. (Как видим, здесь повторяются имена блейковских трубочистов – Том и Дик). Старый Нолл благодаря колдовству не пускает души мальчиков после ночного праздника в их тела, и трубочисты не просыпаются. Далее тела спящих мальчиков становятся источником прибыли для города, экспонатом городского музея. За право экспозиции диковинки состязаются несколько музеев, и не зря: чистая выручка составляет 3 088 фунтов. Но в конце дочка смотрителя музея целует спящих трубочистов, и они оживают и убегают. Впрочем, потом их, как и полагается в английском детективе, ищет полиция. Это сказочный вариант христианского предания о семи спящих отроках¹⁸, который под пером Уолтера де Ла Мара органично контаминируется с архетипической историей о воскрешении трубочистов.

В целом можно отметить, что образ трубочиста, как правило, выполняет функцию мотива-медиатора. Это медиация между жизнью и смертью, между небом и землей, чем объясняется, в частности, существенная роль картины иного мира в этих текстах. Отсюда и вытянутая по вертикали структура пространства, и преимущественное движение по вертикали – от карабканья вверх и вниз по трубе до попадания на небо.

Отзвуки этих представлений прослеживаются даже в последних вариантах образа трубочиста в современной культуре, который был представлен в диснеевском фильме «Мэри Поппинс» (1964) и в мюзикле (2004): трубочист Берт, который поет песенку “Step in time”, стоя на крыше.

В фольклорной традиции многих народов трубочист наделен магическими способностями приносить счастье и удачу. В английской культуре приметы, связанные с трубочистами, восходят к Средневековью: согласно одной легенде, испуганные лошади понесли карету короля Вильяма, но на подмогу пришел трубочист, который сумел их остановить. Благодарный король объявил, что трубочисты приносят удачу.

В фольклоре славянских народов также присутствует связь трубочиста с удачей: «...верили, что если человек тремя пальцами дотронется до трубочиста или если он, глядя на трубочиста,

¹⁸ Enzyklopädie des Märchens. Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung / ed. R. Ranke, R.W. Brednich. Bd 12. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2007. S. 662–666.

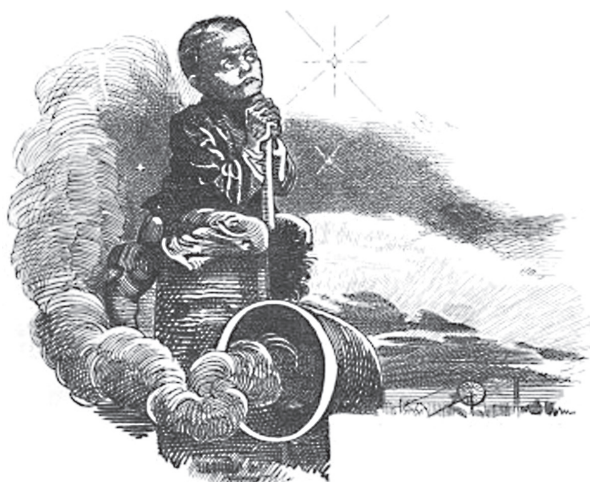

Рис. 7. Линли Сэмбурн. Том-трубочист. Иллюстрация 1889 г.

подержится за свою пуговицу, то его желание исполнится... Приход трубочиста ранним утром в Новый год сулит удачу»¹⁹. Неслучайно в одном из вариантов голландских преданий о Черном Пите (Zwarte Piet)²⁰ темнокожий трубочист выступает как помощник святого Николая (Санта-Клауса). У многих европейских народов ряженный персонаж трубочиста – неперменный участник празднеств масленицы.

Как видим, «Водяные малыши» Чарльза Кингсли – одно из звеньев продолжительной английской литературной традиции, впитавшей в себя многие фольклорные и мифологические мотивы.

¹⁹ Валенцова М.М. Трубочист // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 329.

²⁰ Последнее время Черный Пит стал темой для оживленных дискуссий: в его образе усмотрели проявления признаков колониального наследия и расизма. Сходные претензии были предъявлены и «Мэри Поппинс». Ср.: Little B. This notorious Christmas character is dividing a country // National Geographic. URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/article/black-pete-christmas-zwarte-piet-dutch> (дата обращения 22 июля 2022); Pollack-Pelzner D. 'Mary Poppins,' and a nanny's shameful flirting with Blackface // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/28/movies/mary-poppins-returns-blackface.html> (дата обращения 25 июля 2022).

Благодарности

Сердечно благодарю Сергея Юрьевича Неклюдова за ценные советы и рекомендации во время работы над статьей.

Acknowledgments

I sincerely thank Sergey Yurievich Neklyudov for valuable advice and recommendations while working on the article.

Литература

- Conlin, Klaver 2020 – *Conlin J., Klaver J.M.I.* Charles Kingsley. Faith, flesh, and fantasy. N.Y.: Taylor & Francis, 2020. 284 p.
- Durand 1960 – *Durand G.* Les structures anthropologiques de l'imaginaire. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 1960. 512 p.
- Judd 2017 – *Judd K.N.* Charles Kingsley's *The Water-Babies*. Industrial England, the Irish famine, and the American Civil War // *Victorian Literature and Culture*. 2017. Vol. 45. No. 1. P. 179–204.
- Rapple 1993–1995 – *Rapple B.* The motif of water in Charles Kingsley's *The Water-Babies* // *University of Mississippi Studies in English*. 1993–1995. Vol. 11–12. P. 259–271.

References

- Conlin, J. and Klaver, J.M.I. (2020), *Charles Kingsley. Faith, flesh, and fantasy*, Taylor & Francis, New York, USA.
- Durand, G. (1960), *Les structures anthropologiques de l'imaginaire*, Presses Universitaires de Grenoble, Grenoble, France.
- Judd, K.N. (2017), "Charles Kingsley's *The Water Babies*. Industrial England, the Irish famine, and the American Civil War", *Victorian Literature and Culture*, vol. 45, no. 1, pp. 179–204.
- Rapple, B. (1993–1995), "The motif of water in Charles Kingsley's *The Water-Babies*", *University of Mississippi Studies in English*, vol. 11–12, pp. 259–271.

Информация об авторе

Ольга Б. Вайнштейн, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; katermur@gmail.com

Information about the author

Olga B. Vainshtein, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; katermur@gmail.com